

УДК 101.1

Михаил Алексеевич Малышев
профессор-исследователь гуманитарного факультета
Автономного университета штата Мехико,
координатор научного журнала *Ciencia ergo sum*
г. Толука, Мексика. E-mail: mijailmalychev@yahoo.com.mx

МЕЖДУ НЕЧТО И «ПОЧТИ НИЧТО»

В статье рассмотрена сущность афористики как протеста против засилья расхожих стереотипов обыденного рассудка. Дано определение афоризма как игры мысли и иронии. Показано, что в отличие от логического дискурса, цель афористики состоит не в том, чтобы выразить истину в возможной ее полноте, а в том, чтобы высветить отдельную ее грань или придать ей неожиданный оттенок. Приводятся афоризмы автора, объединенные идеей иронии.

Ключевые слова: афористика, афоризм, афорист, максима, ирония.

Главная задача афористики заключается в том, чтобы подметить и выразить нечто необычное и странное в повседневном и привычном. Следовательно, афоризм – это протест против засилья расхожих стереотипов обыденного рассудка. Это приглашение читателя отправиться в мир «приключения мысли», чтобы получить удовольствие от прихотливой игры парадоксов или насмешки лукавой иронии. Имея внешнее сходство со словесной арабеской, афоризм требует отточенной мысли. В отличие от логического дискурса, цель афористики состоит не в том, чтобы выразить истину в возможной ее полноте, а в том, чтобы высветить какую-то отдельную ее грань или придать ей неожиданный оттенок. Как «пируэт мысли» меткая фраза, возможно, не нуждается в логических пояснениях, однако она не может не побуждать читателя к размышлению.

Если дискурсивное мышление стремится подвести читателя к истине, «принудить» его к согласию с развертываемой цепью логических аргументов, то цель афористики – привести к «катарсису мысли», показать, что различные ее возможности, пусть даже самые экзотические и экстравагантные, могут причудливо сосуществовать в нашем сознании. Следовательно, задача афористики не столько в объяснении мира или в выработке рекомендаций, направленных на его практическое преобразование, сколько в умножении парадоксальных возможностей наслаждения игрой мысли или в растворении духа напыщенной серьезности в кислоте сарказма или иронии. Разумеется, далеко не от каждого афоризма следует ожидать сюрприза:

иногда, подобно изящной женщине, ирония не бросается в глаза, зато оставляет впечатление в памяти. Для афоризма как эстетического феномена непринужденная элегантность имеет приоритет перед развернутым доказательством, ироническая насмешка важнее констатации факта, а парадокс предпочтительнее расхожей истины.

Ортега-и-Гассет как-то заметил, что современные художники не отвергают воспроизведения внешнего мира в пользу чистых форм, но в отличие от реалистов они просто не считают ее изображение своей насущной задачей. Они воспроизводят реальность для того, чтобы выразить силу сопротивления ее гравитации и одновременно обозначить жест, направленный на ее символическое преодоление. Аналогичным образом афористическая мысль воспроизводит здравый смысл в модальности «как если бы». Поэтому парадокс, имманентно присущий этому жанру, – это перчатка дерзкого вызова, брошенная к ногам самодовольного рассудка.

Афоризм – маленький текст, в котором причудливо скрещиваются смыслы, весьма удаленные друг от друга по своему происхождению и редко сопрягающиеся в языке повседневной речи. Если природе дискурса свойственна непрерывность повествования, органическая связь слов и плавное разворачивание стоящих за ними смыслов, то парадокс разрушает стереотипное сочетание фраз, разрывает плавность перехода одного суждения в другое, вызывает сшибку смыслов. Можно сказать, что смысл большинства употребляемых в речи фраз «стерт» или «размыт» расхожими стандартами их употребления, но *странные речевые сближения* или *дерзкие семантические комбинации* могут породить нечто необычное. В афристике линейная логика дискурса приносится в жертву «логическим причудам» парадокса или саркастической иронии, а следовательно, каждый афоризм, достойный этого имени, предстает как *странное утверждение*. Хотя отнюдь не каждая хлесткая фраза – залог оригинальности мысли, но каждый новый афоризм – попытка высказать эту мысль так, как никто, возможно, до этого ее не высказывал.

Сам термин «афоризм» в переводе с греческого означает «выводить за пределы горизонта», в данном случае – за пределы горизонта привычного потока мысли, чему и служит ирония, парадокс, воображаемый эксперимент или, в терминологии Бодрийяра, – «симулякр». Смысл последнего заключается в вопросе: «что случится, если...?». ... Если, скажем, некоторые постулаты, составляющие фундамент мышления, переживания и бытия человека неожиданно бы преобразились. Это выворачивание очевидностей можно охарактеризовать как очищение мышления от «ржавчины», разъедающей удивление, которое, как известно со времен Аристотеля, образует исток философской мысли.

Афоризм – это в сущности камерный жанр, предполагающий в читателе сосредоточенность, интеллектуальное усилие, и вероятно поэтому больше тяготеющий к философии, чем к литературе. Можно сказать, что афоризм – это жанр, располагающийся между прозой дискурса и поэзией парадокса. Насколько мне известно, ни литература, ни философия не претендуют на монополию на афоризм, который, как «летучий голландец», свободно плавает по океану художественных форм и философских идей, избегая подводных рифов жестких канонов.

Будучи автономной и самодостаточной смысловой единицей, афоризм – это *монада мысли*. В этом отношении она не испытывает никакой потребности соединиться с другими замкнутыми в себе мыслями, а как бы свободно передвигается в семантическом пространстве текста. Разумеется, смысловая перенасыщенность и гетерогенность афористики чревата определенным риском вызвать у читателя умственную усталость, но сама мозаичность мыслительных капсул делает их удобными именно для фрагментарного чтения в интервалах свободного времени, например перед сном, во время поездки в метро, автобусе или в короткие промежутки досуга.

Как и любое другое произведение подобного жанра, этот текст можно читать в каком угодно порядке – сверху вниз или снизу вверх, или просто перелистывать страницы, обращая внимание на те изречения, на которые невольно упал любопытный взгляд. С другой стороны, афористика претендует на реабилитацию почти забытой в наше калейдоскопическое и спрессованное заботами время способности к вдумчивому чтению, когда читатель погружается в поток иронических фраз или парадоксальных высказываний, побуждаемый не только стремлением к развлечению, но и потребностью к собственному размышлению над содержанием прочитанных фрагментов мысли.

Польский писатель Веслав Брудзиньский как-то заметил, что «афорист – это добытчик аттической соли для чужих кушаний». И действительно, настоящий афоризм возбуждает невольное желание высечь его в виде эпитафии на могильной плите, поставить эпиграфом к книге или превратить в пикантный тост веселого застолья. Как синоним остроумия, афоризм может сообщить блеск дружеской беседе или придать дополнительную убедительность доводам в ученом разговоре.

Хотя афоризм – это *капсула мысли*, содержание большинства высказываний объединены идеей *иронии*, понимаемой как скептическое лукавство, в диапазоне от юмора до сарказма, замаскированное преувеличенным вниманием к предмету насмешки или притворной скромностью насмешника, лукавство, которое ставит под сомнение неизбежность расхожих истин, превращает «священное» в профанное, жеманное и помпезное в саркастическое и язвительное, привычное и иллюзорное в странное и неожиданное.

Раньше жизнь была значительно хуже, чем сегодня, зато вера в светлое будущее была гораздо тверже.

Неразлучный спутник смерти – это тоска. Она всегда готова протянуть нам свою руку, как только убедится в том, что скоро нам предстоит «протянуть» свои ноги.

Что такое вечность, как не время, вынесенное за пределы становления, *осколненное настоящее*.

Смерть коллеги ввергает меня в тоску, которая отчасти компенсируется смутным удовлетворением: ведь умер-то Петр, ведь это он лежит в гробу, а я, его переживший, худо-бедно пребываю во здравии, а стало быть, наслаждаюсь сознанием того, что я пока еще жив.

Чтобы достичь желанной цели, требуется много времени и усилий, и поэтому мы вынуждены сосуществовать со своими нехватками, восполнять их различными временными суррогатами, подобно тому, как голодный нищий набивает свой пустой желудок чем попало в надежде вкусить «манну небесную».

Желание не отставать от бешеного ритма современности заставляет человека хронически страдать от страха превратиться в «анахроника».

История всегда *права* в том же самом смысле, в каком человек *крепок* задним умом.

Прослыть знаменитым было его мечтой; развенчивать заслуги знаменитых стало его судьбой.

Мы взываем к идее судьбы, когда наши дела обстоят из рук вон плохо, но когда все идет как по маслу, мы убеждены, что каждый человек – кузнец собственного счастья.

Одних фортуна не замечает, другим – строит гримасы, а третьим – разговорчески подмигивает, как бы намекая, что она готова помочь тому, кто и сам не прочь поживиться на чужой счет.

Кого не может убедить разум, того, возможно, сумеет образумить время, правда, слишком поздно, чтобы можно было бы снова взяться за ум.

Порой время нас убеждает, что жизнь прекрасна, но его способность к разубеждению превращает наше беззаботное существование в крысиные бега в закрытой комнате

Что такое жизнь, как не вечные заботы сегодня, питаемые неизбывной иллюзией уменьшить их бремя завтра, которое, увы, не только не сни-

жается, а наоборот, только нарастает подобно снежной лавине. Причина этого *невротического* бега в неизвестное будущее коренится в том, что мы думаем, будто «остановка» равносильна «падению», время – деньгам, а спешка – синоним бьющего через край бытия.

Будущее в настоящем – изобретатель мечты; настоящее в будущем – истребитель иллюзий.

Для человека, уже ушедшего в небытие, его прошлое было настоящим, исходя из которого он думал и мечтал о *своем* будущем. Стало быть его неосуществившиеся проекты и мечты означали для него не меньше, чем действия, уже вошедшие в «тело» истории. Только в своих возможностях человек есть то, кем он является, а следовательно то, кем он стремился стать, и определяет полноту его переживания бытия в прошлом.

Какой бы лучезарной не казалась нам цель, путь, ведущий к реальному результату, погружен в полумрак, и мы спотыкаемся, бредя к нему навстречу.

Как быстро меняются значения символов: еще сто лет тому назад «брюхо» считалось знаком богатства его обладателя, а теперь – это симптом отсутствия правильного питания или диабета.

Идея светлого будущего соблазняет человечество своими благородными идеалами, но как путеводитель истории она не раз превращалась в ненасытного вампира, не способного существовать иначе, как питаясь кровью своих сородичей, которые отказывались возлагать свою жизнь на алтарь «счастья» будущих поколений.

Срочные дела мы принимаем за важные, а важные откладываем до лучших времен, которые, увы, никогда не наступят.

Некоторые люди мечтают дожить до преклонного возраста, ибо наивно полагают, что уйти из жизни в старости – значит избавиться от многих забот, лишиться немногих удовольствий и героически умереть в борьбе против неумолимой судьбы.

Когда никто и ничто не нарушает спокойного течения нашей жизни, мы испытываем странное предчувствие, что судьба накажет нас за *гедонизм беззаботности*.

Если бы я не боялся смерти, то был бы готов трижды пожертвовать собственной жизнью, чтобы навсегда изгнать из души человека страх перед угрозой небытия.

Человек говорит: неужели я пришел в этот мир лишь для того, чтобы исчезнуть из него без всякого следа? Куда больше ухода в небытие челове-

ка приводит в отчаяние мысль о том, что он может умереть существом незначительным. Не иметь никакого значения – хуже тоски, рожденной мыслью о грядущей смерти.

Освенцим и Колыма показали, что трагическую альтернативу «быть или не быть» можно превратить в чудовищный кошмар: заставить человека существовать на грани предельного истощения и одновременно отнять у него единственную свободу – возможность добровольно положить конец своей невыносимой жизни.

«Ничто нам не принадлежит». Эта отвлеченная идея трансформируется в предельно интимное переживание, когда по воле судеб мы оказываемся на грани жизни и смерти.

Земная жизнь человека – это ничтожный миг по сравнению с вечностью. Но именно от этого мгновения зависит «качество» его вечной жизни за гробом.

Некоторые люди только и делают, что готовятся к будущему. Этим *утопизмом благих намерений* и исчерпывается смысл их существования в настоящем.

Привыкая к лучшему, человек с трудом переносит худшее. Этот парадокс способен объяснить причину падения более культурных народов под натиском менее развитых, но более привычных к лишениям соседей.

Если ты хочешь быть погребенным в пантеоне истории, постарайся, если можешь, обогнать эпоху, в которую тебя «забросили» жить.

Прошлое нельзя переделать, ибо его *уже* нет; будущее нельзя превратить в настоящее, ибо оно *еще* не наступило. Но прошлое можно *исказить* ложными воспоминаниями, а будущее *отравить* ядом зловещих пророчеств.

Жизнь открывает перед нами веер разных возможностей, но мы выбираем только одну из них, не будучи уверенными, что нам удастся достойно ее прожить.

Желание обладать только возможным делает нас реалистами, но, к сожалению, не предохраняет от чувства неудовлетворенности.

Часть жизни человек тратит на ожидание того, чего, возможно, никогда и не произойдет, а остальное время он расходует на преодоление последствий непредвиденных событий.

Борьба за выживание превращает гамлетовское сомнение «быть или не быть» в непоколебимую уверенность – быть во чтобы то ни стало, даже за счет жизни своего ближнего!

«Против судьбы не погрешь» и «бес попутал» – это самые излюбленные *козлы отпущения*, используемые изворотливым рассудком для оправдания упущенных возможностей.

Почти все палачи человечества исходили из убеждения, будто их кровавые деяния были освящены *божественным промыслом* или *железными законами* истории.

Память и надежда – это антиподы мгновения, которое переживает время изнутри настоящего. Однако наше сознание не может сосредоточиться на мгновении и то и дело норовит превратить настоящее в *гонца* будущего или в *служу* прошлого.

Поблагодарим разум за опровергнутые суеверия и развеянные предрассудки истории и скажем спасибо истории за разоблаченные миражи «утопического рассудка».

Стремление к *светлому будущему* возникает, как правило, в темных недрах безотрадной жизни. По мере того как *сумрак бытия* проясняется, идея грядущего счастья утрачивает былую привлекательность и вытесняется *гедонизмом настоящего*.

Только используя каждую возможность, можно увеличить вероятность набрести на счастливую случайность, которая, увы, не спешит заключать нас в свои объятия.

Между возможным и невозможным простирается зона вероятного, притягивающая как магнит любителей острых ощущений, получаемых от азартных игр.

Опытный историк не упустит возможности поразмышлять над фактами, которые агенты прошлого выбросили на мусорную свалку истории.

Монотонность утомляет, зато скука заставляет нас забыть, что время необратимо.

Жизнь – это учитель, который постоянно задает нам каверзные вопросы, но, увы, объясняет смысл своих уроков с исчерпывающей полнотой только в сослагательном наклонении.

Время от времени вечность *являет свой лик* в переживании экстаза.

Все согласны: история есть то, что реально случилось в прошлом, хотя никто не уверен, что описание этого прошлого соответствует тому, что в действительности в нем произошло.

Переживать неудачу было бы труднее, если бы нам запретили ссылаться на «нелепую игру случайности» или на «происки коварной судьбы».

Почти каждая революция начинается с *хроноцида* – попытки аннулировать наследие «проклятого прошлого», а заканчивается *геноцидом* – ликвидацией носителей этого наследия.

Если тебе кажется, будто будущее пожирает прошлое, значит, ты страшно занят; а если ты склонен думать, что прошлое поглощает будущее, – значит, ты «умираешь» от скуки.

Что такое угрызение совести как не донкихотская борьба против «цинизма» необратимости времени.

Человека забрасывают в бытие. Но опыт его существования в нем настолько короток и сопряжен с такими трудностями, что не всегда позволяет определить, что же все-таки лучше: не родиться вовсе или жить, прозябая в отчаянии?

Наши способности – это *цит*, отражающий вызовы немилосердной судьбы, состоящей на службе у капризного господина по имени «будущее».

Что такое чудо как не абсурд, приправленный очарованием невозможного.

Событие, ушедшее в прошлое, – не совсем то, а иногда и вовсе не то, чем оно было в настоящем: память изменила его смысл.

Главное назначение идеи Бога – уберечь человека от превратностей судьбы. Стало быть вера – это средство повышения эффективности инстинкта самосохранения.

Религиозное сознание пытается изобрести нечто прекраснее самой жизни, тогда как иррелигиозное сознание не оставляет иллюзии саму жизнь сделать прекрасной.

Что жизнь нас учит – это правда, но что она всегда нас учит добру и справедливости – это ложь.

Непредвиденные события вносят в нашу жизнь множество поправок: разрушают заветные надежды, расстраивают планы, понижают амбиции, а нас самих из пастухов бытия превращают в покорных овец человеческого стада.

Идея «железной поступи» истории «отдает» горьким привкусом цинизма.

Идея судьбы – это «козел отпущения», на который мы перекладываем свои неудачи. Но эта же идея предохраняет нас от беспощадного суда вины и стыда.

Дорога от иллюзии к реальности, как правило, проходит через бесплодную пустыню разочарования.

Когда приходит зрелость, человек начинает понимать, что светлое будущее – это иллюзия, жизнь проходит быстро и ее утраты невосполнимы, а хронический дефицит времени отнимает у него возможность наслаждаться прелестями настоящего.

В фундаменте всякого радикализма лежит *эстетизм*, требующий не просто улучшения мира, а уничтожения всех следов его несовершенства.

До изобретения анальгетиков сознание умирающего как бы растворялось в собственной боли. Современная анестезия, снимая боль, вообще устраняет из сознания человека, находящегося на грани смерти, мысль о предстоящем уходе из бытия.

Инженер Кирилов, персонаж романа Достоевского «Бесы», кончает жизнь самоубийством, чтобы таким способом заявить свое своеволие и доказать отсутствие Бога. Но всякое самоубийство – это в сущности метафизический акт: человек убивает себя, чтобы освободиться от рабства бытия.

Человек наделен знанием предстоящей смерти, но ему недостает надлежащей силы воли, чтобы успешно противостоять этому трагическому знанию. И это заставляет его прибегать к последнему «ресурсу» – вере в бессмертие.

Как правило, старики спокойно относятся к предстоящему уходу в небытие. Может быть потому, что они имеют достаточно времени, чтобы свыкнуться с этой мыслью или потому, что память о преклонном возрасте не дает им лить слезы, или потому, что идея о том, что само время приведет к роковой развязке, заставляет их думать, что они – люди удачной судьбы.

Каждый человек может познать границы собственных способностей, но к их постижению, увы, он приходит, как правило, в результате разочарования.

У одного человека неудовлетворенные желания порождают мечты, у другого – бунт против реальности, а у третьего – самопрезрение.

Монотонность настоящего – это ощущение вечности, скроенной по образу и подобию меланхолика.

Если жизнь в настоящем исчерпывается надеждой на лучшее будущее или воспоминаниями о славном прошлом – значит, это настоящее не вполне является *настоящим*.

Жизнь обязывает нас платить за все, даже за то, что, возможно, никогда и не произойдет: пути иронии судьбы – неисповедимы.

Реальность может разрушить мечту, но последняя не может уничтожить реальность. Мечта тоже способна отомстить своему могучему противнику – превратить действительность в нечто *грубое* или *пошлое*.

С точки зрения Чорана, «смерть безнравственна: умирая, мы тянем за собой в могилу весь мир». Но, к счастью, существует «животная вера», которая, согласно Сантаяне, сопротивляется солипсизму смерти. «Да, мы умрем, в этом нет и не должно быть никакого сомнения, как несомненно и то, что мир вполне обойдется и без нас».

Смерть – это трагедия, ибо мы обычно умираем раньше, чем исчезает желание жить, а тем более наслаждаться жизнью.

Меня извлекли из бездны ничто, чтобы потом ввергнуть в пучину небытия. Неизбежность смерти превращает мое существование в абсурд, но идея вечной жизни, увы, меня не прельщает, ибо мой разум требует доказательств, которых он нигде не находит, а находит он только желание сообщить моему бытию видимость призрачного смысла.

На лицах некоторых меланхоликов написано: «Жизнь, возможно, не стоит того, чтобы за нее цепляться, но, с другой стороны, не существует и достаточных оснований для добровольного ухода в небытие».

Хотя мы никогда не сможем заглянуть в лицо собственной смерти, мы вынуждены сосуществовать со страхом, отчаянием и тоской – ее полномочными посланцами, которые известят нас о неизбежном ее прибытии, хотя, как правило, не уточняют место и время роковой встречи.

Истинное причастие – это не причастие к благодати Бога, а глубокое осознание смысла своей смерти. Значение этого «причастия» можно выразить так: «твоя жизнь принадлежит тебе и только тебе; и никогда, вовеки веков, и нигде, ни в каком уголке бесконечной Вселенной, не появится другое существо, способное заместить твое единственное и неповторимое «я».

От всех других живых существ, человека отличает сознание собственной смерти, но еще больше – *желание не умирать*.

Жизнь надо завершить так, чтобы оставить смерти *minimum minimum*: скелет, обтянутый кожей и желание поскорей от него избавиться.

В рассказе «Тишина» Варлам Шаламов повествует о своем напарнике по работе на Колыме. Он часто говорил, что хотел бы умереть, только где найти силы, чтобы свести последние счета с собственной жизнью? Одна-

жды новый инструктор решил провести «эксперимент»: хорошо накормить заключенных-доходяг, чтобы они смогли выполнить план. Но одной нормальной кормежки было явно недостаточно, чтобы восстановить силы людей, истощенных от хронического недоедания. Но эта пища вдохнула энергию в изнуренное тело напарника, и он поднялся и пошел в туман, за запретную зону. Раздался выстрел, потом другой... И холодея от догадки, Шаламов понял, что «эта была та порция каши, которой недоставало моему напарнику, чтобы решиться умереть, – иногда человеку надо спешить, чтобы не потерять волю на смерть».

Жизнь – это ирония. И чего другого можно ожидать от «мудрости», которая приходит к нам задним числом и «исправляет» наши заблуждения в сослагательном наклонении.

Мы бунтуем против идеи судьбы в двух ее ипостасях: *неминуемого*, ожидающего каждого из нас, но которое нам хотелось бы избежать, и *невозместимого*, которое мы хотели бы не только «воскресить» в своей памяти, но и вернуть назад в сослагательном наклонении.

Часть жизни мы проводим в жалобах на несправедливость, а другую часть – во вздохах по неосуществленным возможностям, которые, увы, находятся за пределами наших способностей.

Существованию частной собственности наступил бы конец, если бы взгляд, брошенный на вожденный предмет, доставлял бы нам такое же удовольствие, как и обладание им.

Некоторые люди всегда грустят, как если бы им была известна точная дата прихода собственной смерти.

В стремлении как можно дольше наслаждаться счастьем влюбленный хотел бы остановить настоящее; одержимый страстью приблизиться к заветной цели «готов перепрыгнуть» через барьер, отделяющий настоящее от будущего; терзаемый муками совести желал бы вернуться в состояние невинности. *Магия, присущая эмоциям*, – это «бунт» (в сослагательном наклонении) против тезиса Гегеля о том, будто «все реальное – разумно, а все разумное – реально».

То, что не произошло, но могло бы произойти, иногда нас заставляет вздыхать, а иногда – благодарить судьбу за оказанную милость.

Время необратимо, но и человек упрям: он не только пытается воскресить свое прошлое, но и хотел бы «переделать» его в сослагательном наклонении.

За многими необъяснимыми событиями скрывается не только каприз случайности, но и непроходимая глупость.

Сослагательное наклонение освобождает нас от фатализма, но превращает в *заложников утраченных возможностей*.

Что такое угрызение совести как не *шантаж* настоящего прошлым в сослагательном наклонении.

Мы не знаем, что нас ждет в будущем. Если бы это было иначе, мы не расставались бы так беззаботно со своим прошлым, чтобы потом «воскрешать» его со слезами умиления в своих ностальгических воспоминаниях.

Все попытки человечества родить вечную справедливость завершились «абортом». Если бы это было не так, то история превратилась бы в рай, населенный ангелами без крыльев.

Будущее в настоящем нередко ошибается в своих прогнозах, тогда как *настоящее в будущем* – отличный «патологоанатом», который не только установит точный диагноз смерти нашего жизненного проекта, но и порекомендует *виртуальную терапию*, которая могла бы продлить жизнь почившей в бозе надежды... в сослагательном наклонении.

Каждое решение, каким бы превосходным оно ни было, исключает веер других возможных выборов. Это осознание каждого поступка как жизненной альтернативы составляет характерную черту Кьеркегора, определившего свою жизнь как промежуточный пункт между *нечто* и *ничто*, как вечное *может быть*.

История есть и то, что случилось и навсегда кануло в небытие, и то, что случилось, хотя и могло бы произойти по-другому.

Если бы мы исключили из языка сослагательное наклонение, то, возможно, сэкономили бы немало нервной энергии, которую тратим на переживание того, что мы не сделали, но могли бы сделать, хотя при этом мы потеряли бы виртуальную фантазию, которая, подобно волшебнику, «возвращает» утраченное и «переделывает» то, что изыскательное наклонение считает абсурдным.

Как ни раскаивайся, а прошлого не вернешь, и тем не менее упущенные возможности заставляют нас сокрушаться: «А ведь я бы мог, черт возьми..., да еще как!».

Мы благодарны судьбе за то, что она создала нас человеком, а не тараканом. Но если бы таракан был наделен сознанием собственной значимости, то наша гордость не имела бы никакого смысла.

С рождением каждого человека мир начинается заново, а с его смертью он исчезает. Без этой иллюзии, именуемой солипсизмом, никто не считал бы себя незаменимым, тогда как реализм бытия превращает смерть в нивелирующую посредственность.

Человек мог бы быть более объективным, если бы обладал способностью созерцать себя чужими глазами. И если бы это было возможно, то он не смог бы скрыть своего удивления: «именно так я на самом деле выгляжу?».

Если к равенству возможностей прибавить равенство способностей, то можно построить такое общество, в котором исчезнет разница между целью и результатом, воцарится полное равенство, но в котором, увы, никто не захотел бы жить.

Когда великая идея начинает «дышать на ладан», вокруг ее «одряхлевшей души» собираются ретивые поклонники и пытаются вдохнуть в нее жизнь... *в сослагательном наклонении.*

Нельзя ли предположить, что Всевышний сотворил человека, по своему образу и подобию, но ... работая в сюрреалистической манере?

Все мы – заложники сослагательного наклонения, пленники нереализованных возможностей, честолюбцы, жаждущие обратить время вспять, чтобы мысленно извлечь из упущенной возможности виртуальную выгоду.

Когда человеку не хватает заслуг, он начинает гордиться тем, что он мог бы сделать, но не сделал: например, не занимал руководящих постов, не подсиживал своих ближних, не сидел в тюрьме... Однако стоит спросить: почему?, как его «гордость» начинает сжиматься подобно *шагреновой коже.*

Нет более изощренного софиста в мире, чем уязвленное самолюбие – «виртуоза» по части оправдания своих неудач в сослагательном наклонении.

Вообразим, что бы произошло, если бы все люди начали резать друг другу правду-матку прямо в глаза? Общество, нетерпимое к такту и снисходительности, превратилось бы в сброд *правдолюбивых садистов*, готовых по любому поводу и без всякого разбора истязать ближнего «кнутом» *беспощадной искренности.*

Будучи символом примирения с неудачей, *горькая улыбка* как признание неотвратимости случившегося смягчает чувство неудовлетворенности, которое время от времени всплывает в сослагательном наклонении.

Термины «почти», «едва-едва», «чуть-чуть» фигурируют при объяснении почти каждой неудачи. Мы *чуть-чуть* не достигли заветной цели; *едва-едва* не попали в разряд победителей. Этот небольшой зазор между

желанием и результатом, вкпе с *мы могли бы*, делает нашего поражения не горьким, а кисло-сладким.

Если бы чудо не было окружено тайной, оно потеряло бы свою загадочность и превратилось бы в заурядный абсурд.

Ностальгия – это непокорная дочь необратимого времени. По мере того как притупляется удивление жизнью в настоящем, возрастает симпатия к утраченным иллюзиям прошлого.

Окончательный выбор экзистенциального маршрута снижает ощущение легкого опьянения перед веером различных возможностей. Принятое решение наполняет нас радостью и одновременно приносит грусть из-за отказа от других не менее интригующих вариантов.

Настоящее никогда не станет тем, чем оно уже было. Но сослагательное наклонение никогда не откажется от своих притязаний преподать настоящему урок насчет того, что могло бы произойти, если бы случившееся не произошло или произошло, но совсем по-другому.

Иногда сослагательное наклонение напоминает нам трусливую собаку, которая начинает лаять, после того как воры уже вынесли все награбленное из дома ее хозяина.

Беда человека – не столько в боязни смерти, сколько в беззаботном желании жить так, как если бы последней и вовсе не было.

Дискурс угрызения совести: «случилось, хотя и могло бы не произойти»; дискурс ностальгии: «случилось, хотя и могло бы длиться по сию пору».

Иногда память не столько приносит облегчение, воскрешая события прошлого, сколько обостряет беспощадную реальность необратимости времени: «оглянувшись назад, ты видишь дорогу, по которой тебе уже никогда не доведется шагать».

Если бы существование не предшествовало сущности, то человек утратил способность превращать свою жизнь в приключение.

В царстве «бы» сослагательного наклонения мы более «мудры» и более «могущественны», чем все великие утописты мира, вдохновляемые несбыточными идеалами.

Я человек, а следовательно *ничто дьявольское* моему подсознанию не чуждо.

Закон талиона – это *месть*, которая приносит утешение: несмотря на боль, человеку становится веселее, когда он вспоминает о разбитом носе у субъекта, выбившего у него зуб.

Перед идеей вечности жизнь человека – *почти ничто*, которое скоро утратит *почти* и превратится в *ничто*. Но человек сопротивляется *ничто*, ибо понимает, что *почти* – это все, чем он располагает.

Какое страдание может сравниться с муками знаменитости, утратившей свой авторитет? Власть, слава и богатство превратили человека в «сверхчеловека». Но сверхчеловек, пониженный до звания «рядового», увы, ощущает себя «недочеловеком».

Иногда ждешь, ждешь от жизни чего-то необычного, дрожишь от нетерпения поскорее обрести желанное, а получаешь только пинок под зад, который, впрочем, быстро возвращает тебя из царства грез в реальный мир безжалостной иронии.

Не все современные классики выдерживают испытание временем. Иногда старость понижает их в ранге, а смерть отнимает высокое звание.

Для некоторых «интеллектуалов» писать – значит, страдать от головной боли, а не писать – еще хуже: мучиться от комплекса неполноценности или испытывать недовольство от снижения своих доходов.

Если мы внимательно понаблюдаем за окружающими людьми, то вскоре заметим просительный оттенок во взгляде того, кто закончил какое-нибудь дело, произведение или просто значительно продвинулся в своей работе: «И что? И как? Не правда, ли хорошо?» – как бы говорит нам его вопрошающий взгляд.

Научись уважать себя. Если ты и не сумеешь извлечь из собственного достоинства никакой выгоды, то ты все-таки сможешь с достоинством переносить обиды, связанные с *заговором молчания* по поводу твоих заслуг.

На смену коммунистической утопии, чьи контуры растворялись в голубой дымке светлого будущего, пришла одержимость наслаждением жизнью «здесь» и «сейчас», опираясь на *магию*... кредитной карты.

Варварство – это нечеловеческое, слишком человеческое.

Когда я вижу на телеэкране как обнимаются политики, то мне невольно приходит на ум фраза: «от похлопывания по спине до пинка под зад – расстояние всего лишь в три дюйма».

Во всяком человеке забота о своей внешности появляется в детстве и заканчивается догадкой о том, каким будет выглядеть его *виртуальный труп*.

Блажен тот, кто, получая минимальную заработную плату, слагает гимн любви к жизни.

В душе каждого педанта дремлет неудавшийся святой.

Настоящий критик – это *неприрученный бык*, который не преклоняется перед заслугами «священных коров» и режет им правду-матку прямо в глаза.

Кто обрел свое *личное призвание*, тот вправе думать, что путь, по которому он движется, может привести его к достижению *общественного признания*.

Он был настолько удачлив, что невольно возникало смутное подозрение: такое фантастическое везение как-то не к лицу порядочному человеку.

Презрение – это дань, приносимая толерантностью в жертву мирному сосуществованию.

Когда в борьбе за власть искусственная селекция приходит на смену естественному отбору, уровень демократии заметно понижается.

Человек, находящийся в безвыходном положении, может все-таки выбрать между... покорностью и отчаянием.

Человек раскрывается не столько в своих достижениях, сколько в своих неудачах, а еще больше – в тех оправданиях, которые он дает последним.

Отведавший вкуса славы, постоянно ощущает в ней потребность, а когда он уже не может ею насладиться, то соглашается на минимум: удовлетворяется сознанием *собственной значимости*.

Любовь к жизни помогает человеку переносить все невзгоды, а мысль о своей неповторимости дает ему надежду на преодоление горечи от сознания собственного ничтожества.

Скука ведет человека к атрофии желаний, но в отличие от развлечения она не позволяет ему от себя скрыться.

Человек – это единственное существо, которое иногда спрашивает себя: почему, черт возьми, я такая скотина? И не мудрено, заметил Кант: из такого *кривого полена*, из которого был сотворен человек, нельзя создать *ничего прямого*.

Нельзя ли предположить, что стремление к привилегиям – это бессознательная претензия на компенсацию недостатка оригинальности?

Каждый человек – это частица вселенной; но он не может существовать, не сознавая себя *центром собственного микрокосма*.

«Будь самим собой»: если бы люди последовали этому *завету*, то не исключено, что кожа одних из них покрылись бы густой шерстью, а во лбу у других прорезались бы рога.

Когда мы становимся участниками или свидетелями необычайных событий, наше *удивление подогревается* тем, что мы воображаем себя в роли будущих рассказчиков необыкновенных историй.

Время – это *волшебник*: оно превращает *гадкого утенка* в *стройного лебедя*; но время – это и *колдун*: оно выщипывает перья величественной птицы и делает ее похожей на *задрипанную ворону*.

По мере того как уменьшается удивление прозой настоящего, возрастает ностальгия по навсегда утраченным мгновениям прошлого.

Быть причастным к большому секрету льстит нам и порождает искушение намекнуть другим, что мы – обладатели тайны, и зависть, смешанная с любопытством, которая проскальзывает в их вопросительных взглядах, доставляет нам еще большее удовольствие.

Хмурить брови и улыбаться заложено в генетическом коде человека, но смысл иронии или удивленно поднятой брови можно расшифровать только на основе знания кода культуры.

Старость – это не только *школа мудрости*, но и *университет разочарования*.

Труд превратил обезьяну в человека, а сознание сделало из него узника совести и заложника времени.

Наши современники уповают на справедливый суд потомков. Но скажите: много ли забытых талантов им удалось воскресить из пучины забвения?

Для кого детство не было *раем*, тому трудно понять *жизненную драму* зрелого человека.

Поскольку сущность не всегда совпадает с существованием, время от времени мы преподносим себе неожиданные сюрпризы.

Человечество уже вошло в такую историческую фазу, в которой каждое новое поколение наследует от предыдущего не только сумму производительных сил, но и подобно вьючному животному тащит на своем горбу все нарастающий груз «завещанных» ему уродств.

Ното – это существо, обожающее тайны, и пожалуй самая банальная из них состоит в том, что он не заслуживает прилагательного *sapiens*.

Демократия одержала победу в борьбе с тоталитаризмом: эклектика презрения пришла на смену антагонизму ненависти.

В переживании признания наряду с радостью торжества иногда присутствует и доля смущения: заслуженный человек стыдится опуститься ниже того, чего от него ожидают другие, и это побуждает его не отступать, а прилагать максимум усилий, чтобы превзойти достигнутое или удержаться на высоте однажды завоеванного.

Человеку достаточно заглянуть вовнутрь себя, в зависимости от того, что он там обнаружит, выразить своему ближнему презрение или сочувствие.

Кто мечтает стать интеллектуалом, тому следует быть готовым часть жизни провести в согнутом положении. А кто надеется стать известным интеллектуалом, тот должен «гнуть свой горб» до конца своей жизни.

Если ты живешь в царстве грез, то пусть желания самых богатых и сильных мира сего станут бледными тенями по сравнению с твоей изощренной фантазией, выкованной в горниле комплекса неполноценности.

Идущие от сердца банальные фразы пристойнее всего произносить на юбилеях или на поминках, и желательно в небольшом подпитии, чтобы не смущаться их банальностью.

Наблюдение над заключенными в тюрьме может дать стороннему глазу более *верное представление* о природе *homo sapiens*, чем изучение животного в неволе о сущности его вида.

Пасынок природы, человек не может существовать, не превращая природу в *вотчину бастарда*.

Иногда только одно-единственное событие превращает человека в вечного мученика – его появление на этом свете.

Ответ на вопрос, что представляет собой вот этот человек, зависит от того, в чем он видит свое *призвание*, а также от того, *где* и *как* он хотел бы добиться осуществления своего *признания*.

Признание, присуждаемое без достаточного основания, наполняет нас чувством значимости, но не снимает беспокойства оказаться в *ситуации голого короля* из одноименной сказки Андерсена.

Циник считает, что большинство людей не способны возвыситься до открытого признания собственного ничтожества, и это дает ему основание ощущать свое превосходство над ними.

Согласно метафоре Конрада Лоренца, Адам и Ева сорвали запретный плод с Древа познания добра и зла, когда он был *ужасно незрелым*, и вся история развития военной техники, от первого каменного топора до атомной бомбы, к несчастью, подтверждают эту метафору.

Иногда попадаются *такие* люди, что ты невольно начинаешь презирать и себя за то, что ты – тоже *человек*.

Если ты хочешь узнать человека поближе, надели его властью, и в нем откроются *такие бездны*, о которых он и сам, бедняга, не подозревал.

С волками жить – по-волчьи выть, а жить с людьми, согласно Канту, – значит, научиться терпеть своих сородичей, которых человек презирает, но без которых, увы, он не может и обойтись.

Никакая «гремучая смесь», приготовленная из раблезианского смеха, свифтианского сарказма, кафкианского гротеска и гоголевской иронии, не способна взорвать несправедливость, но она может поставить под сомнение достаточное основание ее *софистического* оправдания.

Надежда – мать всех иллюзий; но только некоторым из них, прошедшим через горнило иронии судьбы, удастся стать реальными феноменами, хотя и изрядно потрепанными, подобно общипанным воронам.

Сущность человека была бы другой, если бы он не проявлял презрение к тем, чьи возможности располагаются выше или ниже его способностей.

Познай самого себя и перестань обвинять своего ближнего в собственных недостатках!

Смущение – это гибрид странного любопытства и неясного сомнения, род ментальной плазмы, не успевшей еще отлиться в клише окончательного суждения.

Если дурак тебя не раздражает – это уже тревожный симптом.

Избитые мысли вызывают в нас отвращение, и тем не менее они живучи как кошки: стоит вышвырнуть их за дверь, как они тут же пролезут через окно.

Абсурд – это чудовище, порожденное разумом, плененным очарованием невозможного.

Будучи незаконнорожденной сестрой принцессы истины, *ошибка*, как и всякий бастард, иногда претендует на королевский трон.

Самое позитивное, что может дать нам отрицательный опыт – это познать границы возможностей наших способностей.

Правильный ответ взрослого на вопрос ребенка может оказаться нелепым, если принять во внимание уровень развития детского мышления.

Когда *дело логики* перевешивает *логику дела*, появление казуист не заставит себя долго ждать.

Некоторые люди тратят усилия на то, чтобы заложить «фундамент» жизненного проекта, но им часто не хватает интеллектуальных ресурсов, чтобы возвести «стены», а тем более – завершить все «сооружение».

Как только философия перестала объяснять мир и начала его изменять, оружие критики превратилось в критику оружием, а сама философия стала догмой, «сакрализующей» «право» жестокой власти на *обладание истиной в последней инстанции*.

Высший принцип закона достаточного основания гласит: существует нечто, а не ничто. Следовательно, ничто – это *паразит* на «теле бытия», питающийся его отбросами.

Банальность – это ожидаемая, слишком ожидаемая очевидность, которую хотелось бы послать ко всем чертям, но без нее жизнь, увы, тоже рискует провалиться в преисподнюю.

Философия – это антипод медицины: философ не лечит и не выписывает рецепты; хуже того: он *сынет соль сомнений* на душевные раны людей.

Когда ребенок начинает хитрить, он вступает в начальную фазу умственного развития взрослого.

Здравый смысл не может служить критерием истины, зато он способен выполнять функцию *детектора лжи*.

Одни мыслители склонны *заставлять себя* мыслить за других, а вторые стараются *принудить других* мыслить за себя.

Заблуждение оправдывает не столько неведение, сколько *трудность по преодолению неизвестности*.

Современная система образования поставила производство интеллекта на поток, но мудрость, как и в старину, – это рукотворное изделие, *штучный товар*.

Не беда, если глупый прикидывается умным. Беда, если глупый, занимая место умного, заставляет его притворяться дураком.

Глупость может завести человека так далеко, что никакие последующие усилия ума не способны его оттуда вывести.

Человек – существо несамодостаточное, поэтому мечты и грезы, как *лирическая компенсация* «дефектов реальности», никогда, по-видимому, не иссякнут.

Искусственные заменители возмещают дефицит естественных вещей, но они не могут отвратить от *соблазна наслаждения противоестественным*.

Трудно размышлять о «ничто», но не думать ни о чем еще труднее. Наш мозг не может не мыслить, даже тогда, когда он делает предметом своих мыслей идею «ничто».

Искушение глубокомыслием рождает *Сциллу темноты*, а из потребности в ясности растет *Харибда тривиальности* – чудовище, сопровождающее развитие философского мышления с момента его зарождения до наших дней.

Фантазия – это единственная «ложь», которая обогащает реальность и не унижает морального облика истины.

Иногда память до такой степени изменяет образ человека, что превращает его в зловещую мумию или в позолоченный лик святого.

Если для студента экзамен – это род психической травмы, то для преподавателя – это *испытание* чревато утратой веры в будущее человечества.

Память – это сентиментальная вдова, вспоминающая несуществующие достоинства покойного мужа и забывшая горькие слезы, пролитые по его вине.

В отличие от мысли восприятие – *свидетель бытия*, ибо мысль о тысяче рублей не делает меня богаче, пока мое восприятие не подтвердит наличие этой суммы в моем кармане.

Некоторые истины нас возбуждают, как если бы мы выпили бокал шампанского; другие погружают в глубокое похмелье, а третьи вызывают желание напиться так, чтобы невозможно было отделить иллюзию от лжи.

Не всякая творческая мука автора – гарантия эстетического совершенства его произведения. И попытка Бога создать человека по собственному образу и подобию – наглядное тому подтверждение.

По ту сторону разума можно обнаружить все: от непостижимых загадок бытия до самого нелепого абсурда.

Территорию парадокса от владений абсурда отделяет тонкая межа *инстинкта истины*.

Здравый смысл может уберечь нас от абсурда, но он не способен возвести преграду на пути банальности.

У каждого человека – свои жизненные критерии: но когда выживание превращается в главную цель, то человек человеку становится волком.

Будучи искусством обуздания эмоций, *хладнокровие* заставляет сердца миллионов зрителей учащенно биться, созерцая, как их любимый киногерой в самый последний миг ловко уклоняется от смертельного удара коварного злодея и затем посылает его в преисподнюю.

Желание представить личность актера по исполняемым ролям или личность писателя по его произведениям аналогична попытке вообразить крокодила по сумочкам, изготовленным из его кожи.

«Может быть» – это виртуальный сын любовной интриги бытия и «ничто».

Нелегко приходится тому, кто сегодняшней день нагружает завтрашними заботами и вчерашними невыполненными обязательствами.

Завтра – это успокоительное снадобье, не позволяющее нам стать жертвами агрессии сегодняшних забот.

Ветхие старики – это «эмигранты», высланные в современность из предыдущей эпохи. Некоторые из них могут служить живыми экспонатами в антропологических музеях, тогда как другие символизируют непрекращающуюся связь различных поколений.

Мы обречены жить в *настоящем* несмотря на то, что его соперники – будущее и прошлое – пускаются во все тяжкие, чтобы сделать настоящее менее обитаемым, поощряя его превратиться в *событие* нашей памяти или в *вестника* нашей надежды.

Случайность – это взбесившаяся свобода, ведущая нас в рабство непредсказуемости.

Одни несчастья требуют принятия неотложных мер, другие лечит время, а с третьими мы вынуждены как-то сжиться или превратить их в «занозу» в нашем теле, чтобы не позволять нашему духу расслабляться.

Если вы научитесь обходиться малым, подготовитесь к неожиданностям и перестанете обольщать себя надеждами, то и тогда вы не сможете предугадать всех перипетий, ожидающих вас в будущем.

Радость от предвкушения наслаждения будущей радостью затмевает последнюю, наверное, потому, что будущее в настоящем соблазнительнее настоящего в будущем.

Переход от надежды к иллюзии уверенности облегчает муки ожидания, но повышает вероятность перерастания разочарования в отчаяние.

Степень безрассудства надежды измеряется силой отчаяния, кульминация которого – самоубийство. А степень неразумности мечты измеряется силой разочарования, высшим выражением которого является тотальная переоценка ценностей.

Некоторые люди рождаются с гримасой отвращения к жизни и не расстаются с ней, даже превратившись в покойников.

Неблагодарность к заслугам предков не отменяет у их потомков надежды на справедливый суд будущего.

Разочарование вырабатывает иммунитет против отчаяния, но выщипывает перья из крыльев надежды.

Если настоящее исчерпывается надеждой на лучшее будущее или воспоминаниями о славном прошлом, то это настоящее не является *настоящим*.

Что такое терпение как не *банка законсервированной надежды*, которую надо вовремя «открыть» и «съесть»: иначе она взорвется от отчаяния или закиснет от скуки.

Стремление начать все сначала: не является ли превращенной формой выражения ностальгии по навсегда утраченному?

Все люди лелеют надежду, но самые ловкие из них ухитряются извлекать доход от ее продажи.

Если в юности нам кажется, будто быстро проходит время, то в старости мы открываем, что вместе со временем быстро проходим и мы.

Сказка о золотой рыбке – это типичный синдром опьянения надеждой, неспособной остановить поток желаний, увенчанных вождением обрести недостижимое.

Кто утверждает, будто не существует обещаний, которые невозможно дать, исповедует кредо: «после нас – хоть потоп».

Опьяненные удачей, мы склонны раздавать много обещаний, не подкрепленных реальными возможностями, и этим сокращаем время будущей радости, исток которой – беззаботность.

Заря надежды, прежде чем угаснуть во тьме реальных трудностей, иногда окрашивает сумерки утраченных иллюзий элегией разочарования.

Идея будущего «рая» нередко превращает настоящее в сущий ад.

Каким бы печальным ни было наше прошлое, в нем всегда можно отыскать нечто такое, что заставляет наше сердце сжиматься.

Завтрашняя надежда предпочтительнее вчерашней славы, в противном случае мы бы не преклонялись перед величием классиков.

Если ностальгия грустит об исчезнувшем прошлом, то вина, отягощенная угрызением совести, делает из нас заложника минувшего, не дает возможности сконцентрироваться на проблемах настоящего и заслоняет собой горизонт будущего.

Невозможное возможно, но только для Бога. Когда же человек пытается осуществить невозможное, то из его рук выходит жалкая карикатура. Самое убедительное тому свидетельство – крушение попытки построения рая на Земле.

Что такое идея бессмертия как не отчаянный вызов сумасшедшей надежды, брошенный беспросветной скорби?

Будущее освещает настоящее светом надежды или предчувствием тревоги. Прошлое тоже окрашивает настоящее блеском былой славы или тенью пережитой неудачи. Так что настоящее – всегда в «полоску».

Нельзя находиться на высоте требований современной эпохи, не рискуя превратиться в невротика или «заработать» себе инфаркт.

Трудно полюбить ближнего на пустой желудок, но нельзя, апеллируя к пустому желудку, оправдывать мораль людоедов.

Он жил в полном согласии со своей совестью: когда она спала, то он старался ее не будить.

Существуют три моральные обязательства, которые нелегко выполнить: возлюбить ближнего как самого себя, не выдавать чужую тайну и не хвастаться собственными заслугами.

Справедливость – это вторая жертва преступления.

Если бы не презрение, то в мире было бы гораздо больше жертв ненависти.

Мать говорит сыну: «Петя, не сори, вообрази, что будет, если все люди начнут бросать мусор где попало». Петя начинает думать и перестает бросать бумажки на пол, не понимая еще, что воображение – источник нравственности.

Искренность – это добродетель, которая не всегда живет в ладу с тактом.

Справедливость воздает каждому по его заслугам, а осуществление ее требований приносит еще и чувство морального удовлетворения.

Кто делает то, что он *должен*, делает то, что он *может*, а кроме того тратит дополнительные усилия на то, чтобы пересилить нежелание выполнить свой долг.

Честертон как-то сказал: «Если своих друзей человек выбирает сам, то соседей ему посылает Бог». А потом спрашивают: откуда в человеке накопилось столько богохульства?

Ненависть к жестокости и сочувствие к чужим страданиям превышают нашу волю и рефлексию. В этом спонтанном сочувствии к униженному и безотчетной ненависти к насильнику, иногда в ущерб собственной безопасности или выгоды, и дает о себе знать *голос нашей совести*.

Бог учит верующих скромности но, одновременно, он внушает им и манию величия. Действительно, как может быть скромной девяностолетняя старуха, если она убеждена, что стоит на пороге вечности.

Мало быть внимательным, надо еще и уметь делать вид, будто ты не замечаешь того, чего, как считается, тебе знать не положено.

Невозможно возлюбить ближнего как самого себя, но можно презирать себя как своего ближнего.

Молитва – это универсальное средства от всех бед. Как тут не вспомнить реплику неграмотной служанки, подслушанную Чораном: «Я вспоминаю о Боге только тогда, когда у меня начинают болеть зубы».

Человек рожден не столько для наслаждения счастьем, сколько для переживания горечи его утраты или предвкушения радости по поводу его достижения.

Кто ворует может сознаться не только в том, что он украл, но и в том, что он – вор. Это случается, хотя и редко. Чаще всего укравший готов допустить, что он украл, но не признается в том, что он вор. Это означает, что оценка субъектом своих действий и оценка им своей личности далеко не всегда совпадают, а стало быть, вина и стыд – разные чувства.

Если льстец расточает тебе незаслуженную похвалу, и ты не имеешь мужества ее отвергнуть, постарайся по крайней мере дать себе обещание стать достойным этой похвалы в будущем.

Незаслуженная обида не станет заслуженнее, если воздать обидчику по заслугам. Но память о причиненном зле будет сопровождаться воспоминанием о воздаянии, и это смягчит недовольство обиженного.

Тоталитарный режим не только превращает своих подданных в рабов, но и что гораздо хуже, заставляет их признавать себя свободными гражданами.

Средние слои считаются надежной опорой демократии потому, что они недостаточно бедны, чтобы быть подкупленными богатыми, но и недостаточно богаты, чтобы подкупать бедных.

Терпимость – это замаскированное безразличие, за которым нередко скрывается желание отвесить оплеуху.

Он окунулся в гущу повседневных дел, а когда из нее вынырнул, стал как и все – *обыкновенным невротиком*.

Некоторые люди причиняют своим ближним страдания, совершенно о том не подозревая. Красивые обрекают некрасивых на муки неразделенной любви, а талантливые вызывают зависть.

Мы с ним – «большие друзья»: он притворяется, будто радуется моим успехам, а я делаю вид, что переживаю за его неудачи.

Самое большое препятствие на пути признания вины – это ее «родственник» – стыд, внутренний страж внешней репутации своего хозяина.

Надеяться надо не на то, что наказание исправит преступника, а на то, что оно будет угрожать ему неминуемостью грядущей расплаты.

«Я – исключение, а к остальным примените всю силу закона». Это *исключение себя* из закона, призванного подчинить всех без исключения своим предписаниям, *почти не знает исключения*.

Я мыслю и влачу жалкое существование из-за низкого коэффициента полезного действия моей мысли.

Если ты хочешь получить то, чего у других нет, то по логике вещей ты должен сделать то, чего никто до тебя не делал. К сожалению, жизнь не признает *такой логики*.

Если для меньшинства, страх перед своим внутренним цензором – долгом – это достаточное основание для воздержания от запретного дей-

ствия, то для большинства этого *цензора* явно недостаточно, и он должен быть дополнен угрозой наказания.

Мое требование к другим об уважении собственного достоинства может сосуществовать, как бы странно это не могло показаться, с моим тайным презрением к самому себе.

Справедливость воздает каждому по его заслугам, а сознание осуществления ее требований приносит еще и чувство заслуженного удовлетворения.

Когда вы чувствуете себя великолепно, вас беспокоит, что это состояние может быстро пройти, и вы не чувствуете уже себя так превосходно.

Мало быть внимательным к другим, надо еще и уметь делать вид, будто ты не замечаешь того, чего, как считается, тебе знать не положено.

Я знаю, что ты знаешь, что я знаю о низком поступке, который ты совершил. Это мое знание есть невольное вторжение в потаенную сферу твоего стыда, который ты хотел бы ото всех скрыть. Но и я, знающий твою тайну, невольно испытываю чувство смущения от прикосновения к твоему стыду.

Осуществлению принципа равенства возможностей препятствует неравенство способностей людей. Идеологи «светлого будущего» мечтали превзойти это ограничение с помощью знаменитой формулы: «От каждого человека по его способностям, каждому – по его потребностям». Но чтобы осуществить этот принцип, нужно было бы построить рай на Земле, а человека превратить в ангела. Даже реализация более умеренной нормы распределительной справедливости: «от каждого – по способностям, каждому – по труду» требует от человека моральной святости.

Всякое восприятие содержит в себе произвольное истолкование воспринятого и спонтанный ему приговор. Если я вижу, что этот стол круглый, то весьма трудно заставить меня признать его квадратным. Я это сделаю разве что под давлением угрозы или по соображениям будущей выгоды. Нечто похожее происходит и с моральными оценками: сцены немотивированного насилия или беспричинного унижения порождают в нас чувство протеста, столь же для нас непреложного, как и зубная боль или отвращение к нечистотам.

Что для одного – упущенная возможность, то для другого – преодоленный соблазн.

Соблюдение золотого правила – не делай другому того, чего ты не хотел бы, чтобы он тебе сделал, не подкрепленное угрозой применения силы, не гарантирует того, что никто не подобьет тебе глаз или не выбьет твой зуб.

Любимый может пойти навстречу желаниям влюбленного и сделать еще более пленительными те черты, которые чаруют последнего. Об этом хорошо сказал Михаил Пришвин: «Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби меня, и я постараюсь быть лучше себя».

Привлекательные женщины – заложницы чар своей красоты, которая накладывает на них обязанность везде и всегда выглядеть очаровательно.

Кого судьба хочет испытать, в том она возбуждает надежду, а над кем она хочет посмеяться, того она заставляет возлюбить ближнего как самого себя.

Женщина смотрится в зеркало и видит в нем отражение собственного образа и то, что ей сегодня в себе не хватает.

Разочарование нередко порождает равнодушие, а то и презрение к носителю бывшего очарования. Однако какой бы глубокой не была антипатия, бывший влюбленный должен поблагодарить судьбу за счастливые моменты в прошлом, доставленные ему носителем утраченных ныне чар.

Мысль о том, что любимый – самый лучший на свете, это иллюзия, но без этой иллюзии не было бы и любви.

Бескорыстная любовь, не ожидающая взаимности, – это смесь святости и мазохизма.

Что такое ревность как не восполнение эротического воображения.

Если очарование красотой умирает последним, это может представлять известную опасность для здоровья пожилых людей.

Различие между мужчиной и женщиной не так велико, но только это различие и заставляет их проявлять интерес друг к другу.

Умереть холостяком – достойный выбор, если только это выбор самого холостяка.

Мужчина действует, а женщина ждет. Аналогичная разница существует между способом охоты лягушки, которая преследует свою добычу, и жабы, ожидающей свою жертву в засаде.

Главная идея мазохизма заключается не только в том, чтобы причинить себе физическую боль и затем трансформировать ее в противополоственное наслаждение. Скорее, мазохист стремится разорвать связь между желанием и удовольствием, возбуждая посредством боли непрерывное и неутоленное еще желание, которое, пока оно длится, является для него источником высшего наслаждения.

От объяснения любви к женщине мужчина переходит к объяснению любви к жизни. И этот переход как первый желтый лист, свидетельство наступления *осени бытия*.

Любовь – это *чудо*: она превращает влюбленного в другого человека. Его внешнее существование может не претерпеть никаких изменений, но его внутреннее состояние – совершенно другое. Что случилось? Для самого влюбленного нелегко описать перемены, произошедшие в его внутреннем мире. Но, как бы то ни было, они для него реальны, осязаемы и неопровержимы. Теперь ему открылось нечто новое, нечто чудесное, и это не позволяет ему жить, как он жил раньше: с этого момента он чувствует и переживает «реальность» собственного внутреннего мира по-другому. Случилось то, что в религии называют «превращением»: *магия любви* изменила доминанту смысла существования влюбленного.

Парафраз афоризма Поля Валери: если мужчина, вступающий в брак, красив, а его избранница уступает ему в этом качестве, то можно предположить, что первый обладает *богатым воображением*, а вторая наделена *изящным вкусом*.

Любовь – это магия: даже банальность она способна превратить в очарование.

В отличие от эстетического восхищения прекрасной скульптурой или идиллическим пейзажем, женская красота не только чарует мужчину, но и возбуждает в нем эротические чувства.

Каждый из нас думает об «этом» на свой лад, от самого вульгарного до самого рафинированного, но то, что за «этим» скрывается – именуется *либидо*, которое, хотя и существует, является *вещью в себе*.

Несчастный влюбленный решил покончить с собой, но ему не хватило мужества. Прошли годы, и встретив предмет своей безумной страсти, он поблагодарил свою трусость за то, что она спасла ему жизнь.

Можно ли разрешить демографическую проблему, если каждая супружеская пара прежде чем родить ребенка задается вопросом: а нужна ли потомку такая жизнь, которую могут предложить ему родители? Похоже,

что радикальное решение проблемы можно достигнуть только на путях отделения секса от деторождения.

В любви существует немало способов передачи чувств другому – взглядом, жестом, улыбкой. Но ничто не может выразить чувства влюбленного с такой полнотой, как фраза: «Я люблю тебя». Когда влюбленный произносит эту фразу в третьем лице, она теряет для него магический оттенок. Как замечает Ролан Барт, «я могу целыми днями твердить про себя: «я люблю тебя», не будучи в состоянии перейти к «я люблю его». Единственный способ повысить ценность этой фразы – присоединить имя любимой или любимого: «я люблю тебя, Маша»; «я люблю тебя, Саша».

Нельзя полюбить человека, если ты его не уважаешь, но можно, полюбив, потерять к нему уважение, терзаться сознанием, что он тебя не достоин, и все-таки ... любить его, сукина сына.

Трудно быть настоящей женщиной, но еще труднее стать настоящим мужчиной, каким бы хотела его видеть настоящая женщина.

Если одни феминистки атакуют «мачизм» со всех флангов, то другие исповедывают принцип: «Я женщина, а стало быть, ничто мужское мне не чуждо».

Материал поступил в редколлегию 15.06.2012 г.

BETWEEN SOMETHING AND “ALMOST NOTHING”

Mikhail A. Malyshev, Professor-investigator of the Autonomous University of Mexico state, member of editorial boards of scientific journals: “Ciencia ergo sum”, La Colmena”, “Coatepec”, Toluca, Mexico. E-mail: mijailmalychev@yahoo.com.mx

Abstract: the article describes the essence of aphoristics in terms of protest against the dominant influence of popular stereotypes embedded in everyday consciousness. An aphorism is defined as a play of thought and irony. The author shows that unlike the logical discourse, the aim of aphorism is not to express the truth in its possible entirety, but to highlight one of its facets or give it a new shade of meaning. The article provides examples of the author’s aphorisms, which are all based on the idea of irony.

Keywords: Aphoristics, aphorism, aphorist, maxim, irony.